

**ХАРАКТЕР СВЕДЕНИЙ И.А. ГИЛЬДЕНШТЕДТА
И Я. РЕЙНЕГГСА О ДАРГИНЦАХ**

Б.Г. Алиев
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

(arstist777@mail.ru)

Аннотация: В статье показано, на каких вопросах социально-экономической и политической истории даргинцев останавливались в своих работах И.А. Гильденштедт и Я. Рейнеггс. Отмечается, что материал, собранный ими по Акуша-Дарго, Кайтагу, Кубачи, Цудахару и Губдену не всегда отражает действительность и содержит неверные утверждения, что говорит о необходимости критического отношения к нему.

Annotation: In article there are shown the questions of social, economic and political history of Dargins discussed in the works of I.A. Gildenshtedt and Y. Reineggs. It is noted that the material collected by them related to Akusha-Dargo, Kaytag, Kubachi, Tsudakhar and Gubden not always reflects reality and contains incorrect statements that speaks about necessity of the critical relation to this material.

Ключевые слова: И.А. Гильденштедт, Я. Рейнеггс, Акуша, Акуша-Дарго, Кайтаг, Кубачи, Цудахар, Губден.

Key words: I.A. Gildenshtedt, Y. Reineggs, Akusha, Akusha-Dargo, Kaytag, Kubachi, Tsudakhar, Gubden.

Известно, что специальных работ по средневековой истории Дагестана не много. Но в трудах посвященных Кавказу в целом или его отдельным регионам имеются интересные и весьма важные известия по различным вопросам социально-экономической и политической истории разных политических структур и народов Дагестана.

Из работ XVII – первой половины XVIII в. можно отметить труды: «Описание...» немецкого ученого-математика, астронома, географа, советника голштинского посольства Круза и Бругельмана 1636 г. А. Олеария (*Олеарий А.*, 1906), который, возвращаясь из Персии, побывал в Дербенте и Тарках; «Три путешествия» голландского путешественника и ремесленника Я. Стрейса (*Стрейс Я.*, 1935), который также во второй половине XVII в. находился в Дагестане, в частности в Тарках и Дербенте; турецкого ученого, путешественника Э. Челеби, который дважды (в 1641–1642 и 1666–1667 гг.) побывал на Северном Кавказе, в том числе и в Дагестане, в частности в Тарках и в Дербенте. Для начала XVIII в. интерес представляет «Журнал путешествия через Дагестан» А.И. Лопухина, возглавлявшего русское посольство из Персии в Москву, которое проследовало через приморский Дагестан, посетив ряд населенных пунктов (*Лопухин И.А.*, 1958).

К первой половине XVIII в. относятся и выписки из дневника доктора и коллежского советника И.Я. Лерха (*Лерх И.Я.*, 1791), содержащие интересные сведения по политическим структурам и народам Дагестана.

В первой половине XVIII в. было написано также несколько работ участниками Каспийского похода Петра I 1722 г. Среди них «Известия» (другая редакция «Сочинения») майора И.-Г. Гербера (*Гербер И.-Г.*, 1760; 1958); «Описание» Ф.И. Соймонова (*Соймонов Ф.И.*, 1763); «Дневник» Я.И. Марковича (*Маркович Я.И.*, 1892); «Реестр» Д.Ф. Еропкина, бывшего в 1725 по 1732 г. комендантом крепости Святого Креста (*Еропкин Д.Ф.*, 1958).

Из работ авторов второй половины XVIII в., (учитывая время сбора материала, составление, написание и издание на их основе трудов по Дагестану или работ, имеющих сведения и о дагестанских народах), то прежде всего следует отметить исследование ученого-ботаника, действительного члена Русской Академии наук С.Г. Гмелина (*Гмелин С.Г.*, 1785), затем работу другого действительного члена Русской Академии наук, ученого, натуралиста, доктора медицины И.А. Гильденштедта. Из путевых записей И.А. Гильденштедт составил книгу, которая была издана в 1787–1791 гг. в Петербурге на немецком языке (*Cüldenstädt I.A.*, 1787. Bd.I 1791. Bd.2). На русский язык извлечения из сочинения И.А. Гильденштедта, касающиеся Кавказа, в переводе К. Германа были опубликованы в Петербурге в 1809 г. (*Гильденштедт И.А.*, 1809). В 1786 г. была

написана работа немецкого ученого, доктора медицины Я. Рейнеггса, посвященная историко-топографическому описанию Кавказа (*Reineggs J.*, 1796; см. также: Дагестан в известиях..., 1992).

В конце XVIII в. был написан ряд работ участниками Персидского похода В. Зубова в 1796 г. Это «Описания» майора Д.И. Тихонова (*Тихонов Д.И.*, 1958); «Описания» Ф.Ф. Симоновича (*Симонович Ф.Ф.*, 1958), дослужившего в 1810 г. до генерал-майора и ставшего правителем Имерети, Абхазии, Мингрелии и Гурии, затем военным губернатором Грузии; «Описание Ширвана» И.Т. Дренякина (*Дренякин И.Т.*, 1958), также служившего в Закавказье и дослужившего до генерал-майора; «Историко-этнографическое описание Дагестана» А.Г. Сереброва (*Серебров А.Г.*, 1958), майора русской армии, которой состоял приставом и переводчиком при пленном дербентском Шихали-хане, с 1826 г. – полковник; несколько работ П.Г. Буткова, который в период Персидского похода 1796 г. служил в канцелярии командующего армией графа В.А. Зубова, затем, продолжая служить на Кавказе, с 1801 по 1803 г. был правителем канцелярии главноначальствующего на Кавказе К.Ф. Кнорринга, с 1803 г. в России на военной и гражданской службе в различных должностях, с 1841 г. – академик, с 1849 г. – сенатор.

Каждый из перечисленных авторов работ по Дагестану, стремился дать описание либо определенной территории, региона или владения. Поэтому в них не могло содержаться описание всего Дагестана, всех его народов и этнических групп. Да они и не ставили перед собой такой задачи, не считая отдельных авторов, как например, И.-Г. Гербера, акад. И.А. Гильденштедта, Я. Рейнеггса, в работах которых охвачены почти все регионы, политические структуры и народы Дагестана.

Целью данной статьи является не всесторонняя характеристика и анализ работ вышеперечисленных авторов, сведений о всех регионах, владениях и обществах, а только известий авторов второй половины XVIII в. о даргинцах (О даргинцах примерно интересующего нас периода см.: *Алиев Б.Г.*, 2011. С. 12–22), и проследить как они рассматривали этот один из наиболее многочисленных народов Дагестана, что интересного имеется в их трудах, не замеченное другими авторами, подтверждаются ли их известия или сведения о даргинцах в трудах того или иного времени и т.п. И, главное, верны ли их известия или это поверхностное описание народа со слов информаторов, не совсем правильно знающих истинное положение вещей.

Следует отметить, что не все работы вышеупомянутых авторов равноценны по поднятым в них вопросам, известиям по народам Дагестана, и в частности по даргинцам. В одних из них дано довольно подробное описание того или иного владения, общества, региона, или народа, в других – меньше сведений, порою в них содержатся не совсем верные сведения или неверные утверждения. Причем, если одни авторы останавливаются на всех или многих народах Дагестана, то в работах других имеются сведения лишь о некоторых народах, или отдельных вопросах социально-экономической и политической истории Дагестана.

Учитывая все сказанное, мы, как уже отмечалось выше, решили проанализировать только те работы второй половины XVIII в., которые содержат известия о даргинцах. Ценность этих работ указанных авторов именно в том, что их авторы являлись либо свидетелями того, что было в Дагестане в то или иное время, либо их труды были написаны на основе информации местного населения. В условиях отсутствия или малочисленности архивного материала эти работы выступают литературными первоисточниками и исследования по тем или иным проблемам социально-экономической и политической истории народов Дагестана не могут быть написаны без их использования, они являются той базой, на основе которой и возможна в какой-то степени реконструкция прошлой истории нашего региона.

Что же из себя представляли известия о народах Дагестана авторов второй половины XVIII в., в какой мере они касались даргинцев, что они писали о них, каких сторон их социально-экономической и политической истории они касались? В статье мы постараемся ответить на эти вопросы. В то же время следует отметить, что в рамках одной статьи невозможно проанализировать все работы, в которых имеются сведения о даргинцах. Поэтому мы решили остановиться только на некоторых, наиболее интересных из них, указав, на что именно, на наш взгляд, необходимо обратить внимание.

Из всех приведенных выше авторов второй половины XVIII в., в работах которых имеются известия о даргинцах, первым является действительный член Русской Академии наук И.А. Гильденштедт, который находясь в составе экспедиции Русской Академии наук в 1770–1773 гг., был на Кавказе, в том числе, на севере Дагестана и собирал богатый исторический и лингвистический материал почти о всех народах Дагестана – их политических структурах –

феодалных владениях и союзах сельских общин. Это краткие сведения о них и их жителях с указанием языков и их диалектов.

Среди политических структур даргинцев И.А. Гильденштедт приводит только Акуша-Дарго, Цудахар, Кайтагское уцмийство и Кубачи, давая каждой из них краткую характеристику с указанием языка, на котором говорили их жители.

Свое «Описание» И.А. Гильденштедт начинает с Акуша-Дарго, дав его как единое политическое образование и не деля на части – союзы сельских общин, из которых оно собственно и состояло. Это хорошо видно из описания территории и границ Акуша-Дарго, а также перечня населенных пунктов, входивших в его состав.

И.А. Гильденштедт это политическое образование называет просто «Акуша». Очерчивая его границы, он писал, что Акуша располагалась на реке «Койзу. С восточной стороны окружает его Јотамиш, ... с западной Балкар, где Лезгинской язык в употреблении, с южной Казыкумык, где говорят особливим Лезгинским наречием, с северной Губдень, где говорят на Татарском» (*Гильденштедт И.А.*, 1809. С. 130). Это конечно, территория и границы не собственно Акуша и населенных пунктов Акушинского союза сельских общин, а федерации Акуша-Дарго. Границы обозначены верно, но в записи нашего автора нет границ с Сюргинским союзом сельских общин, ряд сел которого (о чем будет сказано ниже в перечне сел, входивших в Акуша-Дарго), даны в составе последнего. С отмеченными границами «Акуша» (как именуется федерацию верхнедаргинских союзов сельских общин И.А. Гильденштедт), можно согласиться, конечно лишь в том случае, если автор имеет в виду именно федерацию, а не собственно Акушинский союз. В противном случае границы территорий «Акуша» нужно было бы обозначить по-другому. К примеру, «Акуша» никогда не граничила с территорией «Губдени». С землями «Губдени» граничили территории Урахинского и Мекегинского союзов сельских общин, а не собственно Акушинского союза.

Но что интересно – «Акуша» у И.А. Гильденштедта можно понять и как одно селение, если иметь в виду, что (как отмечал наш автор), Акуша располагалась на реке Койсу («Акуша, при Койзу»).

Следующее сообщение И.А. Гильденштедта касается численности населения «Акуша». «Он, – писал И.А. Гильденштедт, – многолюден и содержит в себе до 1000 семейств» (*Гильденштедт И.А.*, 1809. С. 130).

Приведенные сведения требуют комментариев, так как здесь мы опять сталкиваемся с некой путаницей. Если согласиться с нашим автором, то приведенные цифры верны только в том случае, если они касаются собственно селения Акуша. Но если предположить, что дагестанская горская семья в среднем состояла из 5 человек, то действительно Акуша, как наиболее крупное селение, могла иметь столько семей и примерно до 5 тыс. жителей. Тогда эти цифры никак нельзя отнести к федерации Акуша-Дарго, состоящей из десятков сел, входивших в 5 союзов сельских общин, составляющих федерацию союзов во главе с с. Акуша.

В таком случае данные И.А. Гильденштедта противоречивы – с одной стороны, «Акуша» – это одно селение, с другой – при перечне границ ее территории – это федерация Акуша-Дарго, что наблюдается в особенности при перечне сел, входивших в его состав, о чем будет сказано ниже.

Остановливаясь на языке «Акуша», И.А. Гильденштедт писал: «В нем говорят по Лезгински, одним наречием с Цудахарою и Балкарою» (*Гильденштедт И.А.*, 1809. С.130). Лезгинский язык здесь употреблен как горский, дагестанский. Но, соглашаясь с этим и с тем, что акушинцы говорят по лезгински (даргински) как и цудахарцы, хотя у акушинцев и цудахарцев были разные диалекты даргинского языка, никак нельзя согласиться с утверждением нашего автора, что этим же языком говорили балхарцы. Балхарцы – это лакцы. Верно то, что, будучи в составе Акуша-Дарго и, располагаясь близко к даргинским селам, балхарцы наравне со своим лакским языком знали даргинский язык, что мы наблюдаем и в наши дни. Более того, в своей разговорной речи балхарцы употребляют много даргинских слов, что является следствием вхождения их в Акуша-Дарго и влияния языка соседних даргинцев на их язык, в особенности, в разговорной речи.

Остановливаясь на политическом положении «Акуша», И.А. Гильденштедт писал: «Он, во владении частию Усмея или Уцмия Хайдаков, частию Шамхала, находящегося к Тарку» (*Гильденштедт И.А.*, 1809. С. 130).

Вряд ли можно согласиться, что Акуша-Дарго находилось «во владении» и кайтагского уцмия, и шамхала Тарковского. Находиться под влиянием – не значит находиться под властью. Действительно, верхнедаргинцы находились под влиянием и шамхала Тарковского, и уцмия Кайтага. Влияние шамхала объяснялось вхождением Акуша-Дарго в состав шамхальства

Казикумухского. С перенесением в 40-е гг. XVII в. столицы шамхальства в Тарки и образованием Тарковского шамхальства Акуша-Дарго стало самостоятельной политической структурой. Но в то же время, оно сохранило свои связи с шамхальством, по-прежнему арендовало в его владении равнинные зимние пастбища. В то же время шамхалы нуждались в военных силах Акуша-Дарго, и последнее постоянно предоставляло свои отряды ополчения в помощь шамхалам. Причем основные воинские силы шамхала состояли нередко именно из верхнедаргинцев.

Так что из приведенного не следует, что Акуша-Дарго находилось «во владении» шамхала. Здесь мы имеем тот случай, когда шамхал нуждался в Акуша-Дарго, которое, в свою очередь, нуждалось в шамхале как собственнике многочисленных зимних пастбищ, кутанов, необходимых для выпаса верхнедаргинских овец в зимнее время. Это были взаимообусловленные и взаимовыгодные отношения, но не отношения владетеля и подчиненного.

Что же касается утверждения нашего автора о нахождении Акуша-Дарго «частью» «во владении» уцмий Кайтага, то и здесь сказанное нужно понимать не как нахождение его во владении уцмий в прямом смысле слова, а как нахождение «под влиянием», что также верно. Взаимоотношения Акуша-Дарго и уцмий хорошо раскрыл участник Каспийского похода Петра I в 1722 г. майор И.-Г. Гербер. Когда войска Петра I из Тарки двигались в Дербент, уцмий Кайтага выступил вместе с утамышским султаном против русских войск. К этому выступлению он привлек и верхнедаргинцев. После двукратного поражения уцмий русскими войсками и обращения его с просьбой о принятии в подданство России, он использовал факт участия даргинцев в выступлении против русских войск в своих интересах – целях подчинения себе Акуша-Дарго. Причем, участвовали верхнедаргинцы и в выступлении шамхала Тарковского Адиль-Гирея против крепости Святой Крест, а затем и на стороне уцмий Кайтага, когда русские войска после поражения шамхала шли для наказания уцмий. Вот как писал об этом И.-Г. Гербер: «Когда в 1725 году российские войска из крепости Святого креста к усмейскому уезду приближались, чтоб его, усмея, добром или силою под Российскую империю привести, то усмей через подарки акушинцов к себе звал, чтоб ему помогли русским противиться, чего ради оные к нему пришли, а когда он, усмей, добром Российской империи поддался, присягу и аманатов дал, то он акушинцов подданными своими объявил и что они ему русским противиться хотели; и того ради их ныне силою в послушание привести потребно». В то же время, хитрый уцмий Ахмед-хан ловко обманул верхнедаргинцев. Как писал далее И.-Г. Гербер, «акушинцов он, усмей, напротив российским войском страдал, что русские намерены с войском в Акушу итти и их разорить, для того что оне ныне к нему, усмею, на помощь пришли, и он их ныне оборонить не смел, ибо он русским поддался». Акушинцы, боясь прихода русских войск, «просили усмея, чтоб он их как подданных своих защитил, и обещали ему во всем послушны быть и дали ему для лутчаго уверения аманатов, и сим обманом усмей акушинцов под свою власть привел» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 101–102).

Но это было в 1725 г., а И.А. Гильденштедт писал в 70-е гг. XVIII в., когда сменились и уцмий, и несколько акушинских кадиев, и изменились отношения между Кайтагом и Акуша-Дарго. Акуша-Дарго находилось в хороших отношениях с уцмийством, оно по-прежнему, как и в шамхальстве, арендовало у уцмий зимние пастбища, находившиеся на плоскости, но эти отношения носили чисто экономический характер и ни в коей мере не являлись отношениями господина и сюзерена. По-прежнему, уцмий обращался в необходимых случаях за помощью к Акуша-Дарго, но при этом верхнедаргинцы получали за военную помощь плату точно так же, как и они сами платили плату за аренду зимних пастбищ. Так что и эти отношения двух владений являлись взаимовыгодными, и в них были заинтересованы обе стороны.

Очень интересны сведения И.А. Гильденштедта о составе Акуша-Дарго, о селах, которые входили в него. «К нему («Акуша». – Авт.), – писал он, – принадлежат следующие деревни: 1 Бутри, 2 Генте, 3 Курки, 4 Гзабала, 5 Усиша, 6 Мегалья, 7 Микгель, 8Тешкваля, 9 Меркваля, 10 Кулхул, 11 Кеппала, 12 Мехвала Шукты, 13 Кантала, 14 Унганата, 15 Кулцур, 16 Цулеквара, 17 Булкар, 18 Калала, 19 Цугнила, 20 Кулеттала, 21Дигбук, 22 Мулебка, 23 Герок, 24 Ничек, 25 Аккуша, 26 Мегин, 27 Ушуша, 28 Гамиш, [29] Бутул при Озень. Лежат все при источниках».

Из приведенного перечня сел еще раз можно понять, что И.А. Гильденштедт под «Акуша» имел в виду всю федерацию верхнедаргинских обществ. И еще он (перечень) свидетельствует о том, что наш автор не был в Акуша-Дарго, и сведения о нем им собраны у информаторов, которые сами плохо знали о федерации и конкретно о союзах, составляющих его. Перечень показывает, что информаторы И.А. Гильденштедта не имели представления о составе союзов и федерации в целом, а просто на просто знали вообще о даргинских селах, входивших в разные союзы сельских

общин: Акушинский, Усишинский, Мугинский, Мекегинский, Каба-Дарго и Сюрга. Все села перечисленных союзов даны как села Акуша-Дарго. Так, в его составе мы видим сюргинские села Цугни (Цугнила), Гуладты (Кулеттала); села Каба-Дарго во главе с Урахи (Герох), Дейбук (Дигбук), Мулебка (Мулебка), Меусиша (Ушуша). В перечне И.А. Гильденштедта есть села, названия которых трудно идентифицировать с современными названиями даргинских сел, возможно, называния их или искажены, или в то время они звучали так, как они даны у нашего автора, как например, Гзабала, Микгель, Меркваля, Кантана, Унганата, Кулцур, Калала, Ничек. В то же время нет в перечне Акуша-Дарго таких известных сел как Танты, Гиба, Верх. Мулебки, Уллучара.

Конечно, в условиях отсутствия других сведений о составе Акуша-Дарго в 70-е гг. XVIII в., трудно с достоверностью сказать о его составе именно в это время. Но, обратившись к сведениям наиболее близким к этому времени, можно более или менее точно сказать о количестве сел, входивших в состав Акуша-Дарго в период пребывания в Дагестане И.А. Гильденштедта.

Обратимся сначала к данным 30-х гг. XVIII в., которые сообщают наиболее ранние сведения о составе федерации Акуша-Дарго. Согласно этим данным, под управлением кадия Акушинского Аджи-Айгуна находилось 30 деревень, входивших в состав союзов сельских общин: «Салатов (? – Авт.), Акуша, Мига, Цудахар, Мияги, Ошуша, известных под общим именем Акушинцев, а по крепости их места Дарга» (*Бутков П.Г.*, 1869. Ч. 1. С. 128). По сведениям немецкого ученого Ю. Клапрота, столько же сел входило в состав Акуша-Дарго и в начале XIX в. «Акуша, – писал он в самом начале XIX в., – образует достаточно сильную республику, которая насчитывает около 30 деревень, расположенных в горах северного Дагестана у истоков Таркалы, Манаса и Гимри» (*Klaproth*, 1827.С. 60–61). Однако, ни в одном из источников не говорится о селениях, которые входили в федерацию или в каждый союз сельских общин, находящихся в его составе. Но, согласно сведениям начала XIX в., собственно Акушинский союз сельских общин включал 22 джамаата, а в конце XIX в. – 33. В Усишинский союз сельских общин входило соответственно 5 и 5 сельских обществ; в Мекегинский союз – 3 и 23; в Мугинский – 11 и 12; Цудахарский – 5 и 46 (Копии документов, извлеченных из РГВИА Гаджиевым В.Г. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 5–7; *Козубский Е.И.*, 1895. С. 11, 250–261, 269–274).

Многие из этих сел являлись отселками или хуторами, возникшими в конце XVIII – начале XIX в. Поэтому без учета их, а также присоединившихся в XIX в. к этим союзам других сельских общин, мы будем иметь следующую картину о составе их в период И.А. Гильденштедта: В Акушинский союз сельских общин входило не менее 15 сел, Усишинский – 5, Мекегинский – 3, Цудахарский – 5, Мугинский – 1. Но в целом Акуша-Дарго являлось одной из многолюдных и густонаселенных политических структур Дагестана. Еще в 1728 г. участник Каспийского похода Петра I 1722 г. И.-Г. Гербер писал, что Акуша-Дарго «состоит из многих деревень» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 101).

Следующий сюжет после «Акуша» И.А. Гильденштедт посвятил «Лезгинскому округу Кубеше или Кубеша».

О Кубачи написано много авторами, жившими и до И.А. Гильденштедта, и после него. Но что же особенного отмечал здесь наш автор? Можно сказать ничего, кроме ряда неверных утверждений. Он писал, что Кубачи находится «также при Койзу, далее вниз к Тарку» (*Гильденштедт И.А.*, 1809. С. 131). Получается вездетекущая эта река «Койзу» и далее вниз к Тарки. Где же находится Тарки, чтобы можно было из Кубачи туда спускаться? Говоря о населении Кубачи, наш автор писал, что там насчитывалось «до 1000 семейств», которые находились «под владением Уцмея», а ниже, что Кубачи «подвластны Усмею и Шамхалу» (*Гильденштедт И.А.*, 1809. С. 131). Неправ наш автор и утверждая, что «в Акуше и Кубеше говорят весьма отличным от прочих, но в обоих одиноким Лезгинским наречием» (*Гильденштедт И.А.*, 1809. С. 131). Что за общее наречие? Это верно в том случае, если речь идет о даргинском языке, но не о диалектах. Акушинский и кубачинский диалекты весьма отличаются друг от друга. Кубачинский диалект лингвисты даже называют «кубачинским языком», настолько он труден даже для даргинцев.

Отдельный сюжет И.А. Гильденштедт посвятил Цудахару, который не дается им в составе Акуша-Дарго. Причем Цудахар дан после Кубачи, а не после «Акуша». Цудахар им назван «округом» – «округ Цудахара, также Цадох» и располагал его он также «при реке Койзу». Под «округом» надо понимать, что речь идет не об одном селении, а о союзе сельских общин во главе с Цудахаром. Но о составе «округа» в работе не сказано ничего. Между тем, в приведенном выше перечне сел «Акуша» даны два цудахарских села: Ташкачур (Тешкваля) и Куппа (Кеппала), что

еще раз свидетельствует о путанице, допущенной автором в составе Акуша-Дарго. Само с. Цудахар дается как отдельный округ, а цудахарские села даны в составе Акуша-Дарго. Какие же села входили в «округ Цудахара», таких сведений у И.А. Гильденштедта нет.

Интерес в работе И.А. Гильденштедта представляют сведения о развитии в Цудахаре садоводства. Он писал: «В сем округе родится виноград и другие плоды» (*Гильденштедт И.А.*, 1809. С. 131).

Далее приводятся неверные данные: «Он (Цудахар. – Авт.), – писал И.А. Гильденштедт, – содержит в себе остатки бывшего Ендере (Эндирея. – Авт.) на берегу реки Койзу, на северном передовом хребте, несколько верстами ниже Кемиры. Близь Ендере есть серная теплица... теплица Св. Андрея» (*Гильденштедт И.А.*, 1809. С. 131). Эти сведения нашего автора показывают насколько были несведущи информаторы, сообщившие ему абсолютные небылицы. О каком «Ендере» на территории Цудахарского союза может идти речь, какой был здесь серный источник, называемый «теплицей Св. Андрея», когда территория Цудахарского союза доходила до Койсубулинского союза, а границы его доходили чуть ли не до с. Гимры («несколько верстами ниже Кемиры»)? Но все это оставим на совести информаторов, ибо И.А. Гильденштедт, не будучи в горном Дагестане, не мог собрать достоверный материал, а доверился им.

После всех этих недоразумений наш автор возвращается к Цудахару и пишет о языке: «Здесь говорят по Лесгински, наречием весьма отменным от прочих, коего происхождение едва приметно» (*Гильденштедт И.А.*, 1809. С. 131). Верно, что «наречие» (диалект) цудахарцев отлично от других диалектов даргинского языка, в этом наш автор был прав.

И.А. Гильденштедт, в отличие от описаний Акуша и Кубачи, сообщает о религии цудахарцев, что они «суннитские Магометане и имеют прекрасные мечети». И далее останавливается на народонаселении Цудахара. «Их, – пишет он, – проживает до 2000 семейств». Очевидно, речь идет о населении всего Цудахарского союза, а не одного селения. В противном случае, если предположить в среднем по 5 человек в семье, то получится 10 тыс. населения только одного с. Цудахар.

Последний вопрос, затронутый И.А. Гильденштедтом касательно Цудахара, его политическое положение. По этому поводу он писал: «Округ (союз. – Авт.) сей независим, выключая некоторые притязания на владение со стороны Хана Казикумыков» (*Гильденштедт И.А.*, 1809. С. 131–132).

Наконец, остановимся на последнем сюжете, который нас интересует в работе И.А. Гильденштедта, – это весьма краткое описание Кайтага. Сразу можно отметить, что наш автор здесь допустил весьма досадные неточности. Под номером 25 в работе дается «Хайдак», ниже под тем же номером «Табасаран, или Кара-Хайдак». И далее автор пишет: «Оба принадлежат Усмей или Уцмей-Хану, имеющему пребывание свое в Бершле. Некоторыми деревнями владеет Гусейн-Хан» (*Гильденштедт И.А.*, 1809. С. 134). Кроме того, что уцмий имел «пребывание в Бершле», здесь все неверно. И здесь же сам автор противоречит себе, сначала говоря, что Табасаран принадлежит уцмию Кайтага, а ниже утверждая, что «Табасаран имеет собственного Князя, но некоторые подвластны Фет-Али-Хану Кубы» (*Гильденштедт И.А.*, 1809. С. 134). Действительно, кубино-дербентский Фатали-хан на Табасаран, как и на другие политические структуры Южного Дагестана, в частности, союзы сельских общин Самурской долины и кюринские союзы, имел большое влияние. Еще до образования единого Кубино-Дербентского ханства, табасаранские владетели, как об этом писал И.-Г. Гербер, «подчинены бывали султану дербентскому» (*Гербер И.-Г.*, 1958. С. 104), и это влияние как бы передалось владетелю объединенного ханства – Фатали-хану.

Более подробно о даргинцах, в частности о Кайтаге, Кубачи и верхнедаргинцах писал другой ученый – медик, доктор медицинских наук, также немец по происхождению Якоб Рейнеггс (1744–1793 гг.). Будучи на Кавказе, он собрал интересный материал о владениях и народах Кавказа и в 1786 г. составил историко-топографическое описание, которое в 1796 г. было опубликовано на немецком языке (Reineggs J., 1796). Это весьма интересная работа, содержащая ценные сведения о различных народах. Анализ работы Я. Рейнеггса необходимо посвятить специальное исследование – это большая и кропотливая работа требующая немало времени. Поэтому наша цель дать только то, что и как Я. Рейнеггс писал о даргинцах. И это будет как бы продолжением перечня вышеприведенных известий о даргинцах, содержащиеся в работе И.А. Гильденштедта, причем, в сравнительном плане.

Отметим, что Я. Рейнеггс, как и И.А. Гильденштедт, дал описание Кайтага, Кубачи, Акуша-Дарго и Губдена. Но известия о них более подробны, охватывают больше вопросов, и дают

возможность в какой-то мере получить представление о структурах социально жизни даргинцев, об их политических образованиях, хотя они также содержат недостатки.

Описание даргинцев Я. Рейнеггс, как и И.А. Гильденштедт, начинает с Акуша-Дарго. Но еще до этого в той части работы, где говорится о возникновении «княжеств», т.е. государственно-политических структур Дагестана, как «Гази-Гумух, Каракайдек, Табасаран и независимые оных князья», владельцы которых, как писал Я. Рейнеггс, «вместе с достоинством получали и имя первого князя-прородителя своего», он отмечал, что «князь, владеющий в Кумуке, всегда шахбал или, как ныне произносят, Шамхал назывался», а «каракайдекский князь всегда имел имя Гомсе, которое ныне Утеме» (уцмий – Авт.) (См.: Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов..., 1992. С. 266).

Акуша-Дарго в работе Я. Рейнеггса дается, как целое политическое образование, либо как общества – союзы. Эти известия начинаются с Мекеги, о котором он писал: «К северу (от Кумуха. – Авт.) обитает поколение Микиге, которое особливим и себе только свойственным языком от прочих отличается и считает в себе 4000 воинов» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 274). Ясно, что под языком здесь надо иметь в виду диалект даргинского языка. Но Мекеги имело 4000 воинов, а это количество не могло выставить одно селение, следовательно, под «Микиге» надо понимать весь Мекегинский союз.

«Далее к северу, – писал Я. Рейнеггс, – живет народ, называемой Акуша из 7000 семей состоящей, которых отменнаго языка никакой другой народ неразумеет; с оным граничит дикое поколение Гибшуме, которое также от прочих языком различествует, а состоит только из 800 куреней» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 274).

И из этого сообщения ясно, что под Акуша следует иметь в виду не одно селение, а Акушинский союз сельских общин, так как само с. Акуша в 80-е гг. XVIII в. не могло иметь столько семей, что примерно равно 35 тыс. человек. И под «языком» акушинцев следует иметь в виду акушинский диалект даргинского языка. Что же касается с. Гапшима, то жители его ничем не отличались от своих соседей, и не ясно почему они здесь названы «диким поколением». Кажется, автор преувеличил и количество хозяйств Гапшима, 800 хозяйств – это примерно 4000 человек, и поэтому вряд ли был прав говоря об этом.

Не прав Я. Рейнеггс и в следующем утверждении: «Сии поколения суть последних народы, которые к Гази-Кумук причитаются» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 274). В описываемый им период верхнедаргинцы не могли «причйтаться» к Казикумухскому ханству. Они были политически свободны и больше были связаны с Тарковским шамхальством и Кайтагским уцмийством. Что же касается о вхождении верхнедаргинцев в «Гази-Кумук», то это было при Казикумухском шамхальстве, от которого они освободились в 40-е гг. XVII в.

Интересно и верно следующее сообщение Я. Рейнеггса о верхнедаргинцах. «Сила их и храбрость, – писал он, – всему Кавказу известны, и сами лезгинцы (дагестанцы. – Авт.), соседи их, с коими они часто сражаются, едва могут стоять противу их мужества» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 274). Но здесь невозможно согласиться со второй частью утверждения нашего автора. Из истории неизвестно, чтобы верхнедаргинцы «часто сражались» с другими народами Дагестана, тем более с «соседями».

После описания верхнедаргинцев Я. Рейнеггс писал о Бойнаке, в связи с чем заметил, что «К западу от Бойнака лежит поколение Турге с 800 дворами своими». Трудно сказать, что имел в виду под «Турге» наш автор. Что это за населенный пункт, имеющий 800 дворов (4 тыс. населения). И далее дается правильное местонахождение Губдена, который Я. Рейнеггс располагал «к западу вдоль по границам Гази-Кумука». Он называл Губден («Купдени») «языком своим отличающимся поколением», «коего жители между храбрейшими людьми в Кавказе почитаются», число которых, по Я. Рейнеггсу, доходило «до 3000 семей». По тем временам – это крупный населенный пункт, население которого, если верить данным Я. Рейнеггса, доходило до 15 тыс. человек. Соответствовало ли это действительности, если, по данным Я. Рейнеггса, в это время в Тарки было всего «1080 дворов жителей его» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 271). Интересно, что Я. Рейнеггс писал о таком же количестве (37000) дворов в с. Карабудахкент («Карабдаг») и Эндирее («город Андриее») (Дагестан в известиях..., 1992. С. 153, 271). Значит, Губден был одним из крупных населенных пунктов Дагестана, особенно, если сравнивать его с такими, также считающимися большими селами, как «многолюдный город Казанище» (1000 семей), «город» Большой Дженгутай («Чингутай») – 500 домов, Костек («Кустиц или Костец») – 800 дворов, Аксай («Яксай») – 1200 дворов, Кумторкала («Гумеркам, великое») – 2000 дворов и т.д. (Дагестан в известиях..., 1992. С. 252, 255, 271, 273).

Что еще интересного писал о Губдене Я. Рейнеггс? «...Число оных не более до 3000 семей простирается, однако ж они (губденцы. – Авт.) 5 лет противились дикому поколению Акуше, которое с 7000 человек покушались ворваться в горы Куптенна, для истребления сего поколения» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 275). Верно это утверждение или нет, трудно сказать, потому что ни в одном источнике, во всяком случае, известном нам, об этом не говорится. Однако сохранились сведения, что стычки между верхнедаргинцами и губденцами в прошлом действительно происходили из-за потрав посевов последних скотом, перегоняемым даргинцами на плоскость для пастбы на зимних пастбищах и обратно на свои летние пастбища. Трасса перегона скота проходила по территории Губдена. Но не истреблять же губденцев, выражавших недовольство потравой своих посевов?

Наиболее интересны известия Я. Рейнеггса о Кайтаге. Работа содержит разнообразные сведения об Амир-Гамзе-уцмие и его семье, о составе уцмийства и т.д. Конечно, сведения Я. Рейнеггса более полны, более интересны и разнообразны по сравнению со сведениями о Кайтаге, содержащимися в работе И.А. Гильденштедта.

Прежде всего Я. Рейнеггс писал о границах Кайтагского уцмийства: «Правый берег реки Инче составляет северные, а река Тербах – южные границы княжества Каракайдека, коего владетель всегда называется утцум» и настоящее имя его «Емир-Гемсе». Он отмечал, что уцмию 58 лет, имеет 4-х сыновей: Али-бея, Мирса-бея, Рази-бея и Мурди-л-Алибея. Старшим из них был 30-летний Али-бей, имеющий 3-х сыновей.

Очень интересна характеристика, данная Амир-Гамзе. Я. Рейнеггс писал: «Есть ли бы не было известно, из какого рода произошел утцум или ныне владеющий князь, то бы весьма трудно было распознать в нем природную его нацию; ибо при тонкости его нравов, кажется, что пороки его столько же велики, сколь велико его искусство скрывать их под видом добродетели». И далее, отмечая черты его характера, Я. Рейнеггс писал: «Он мстителен в его гневу и столь искусно умеет повелевать наружностью лица своего, что терзается внутренно злобою, мщением и ненавистию, показывает такой вид, как будто бы он хотел щастливым сделать тех, коим, может быть, в то же мгновение ока смертью в мыслях своих угрожает». Я. Рейнеггс хорошо подметил умение Амир-Гамзы скрывать свое истинное лицо. «Он учтив безмерно, – писал он, – и когда советами, покровительством или властью своею вызывается помогать несогласным сторонам, то всякой подумает, что он за них всеми своими силами хочет жертвовать, однако он знает вернейшие средства по получении своих выгод, кои были единственно причиною ссоры, которую ему же и решать надлежало» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 276).

Я. Рейнеггс заметил также, как в необходимых случаях, Амир-Гамза умел быть вежливым, обходительным, ласковым и что скрывалось за этим. Он писал по этому поводу так: «Обхождение его весьма приятно и совершенно отвечает той особе, которую в нем ищут. Он уговаривает с чрезмерною ласковостию и, кажется, будто одних с нами мыслей и во всем согласен, а в самом деле лишь только обольщает своим красноречием, не имеет привычки ни обещаниями, ни благодарностию ободрить тех, которые могут ему споспешествовать в его намерениях, ибо волшебный звон слов его подает им лестную надежду несумненного щастия, естли они наконец увидят лишь тень одну, за которую они хватались, то имеют ли они причины обвинять за неблагодарность того, которой никогда никакого награждения им не обещал? Почтение, которое он таким способом себе приобрел, несколько времени продолжалось. Ему два раза удавалось завладеть городом Дербентом, но, когда он не в состоянии был в оном утвердить своей власти, то завоевания сии получили имя разбойнического нападения» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 276).

Я. Рейнеггс, видно, хорошо знал уцмию Кайтага Амир-Гамзу, отмечая многие стороны его характера, на основе чего представляется возможным характеризовать его и как государственного, политического деятеля, и как человека.

Территорию, занимаемую Кайтагским уцмийством во главе с Амир-Гамзой, Я. Рейнеггс характеризует как землю, занимаемую «наивыгоднейшее и плодоснейшее положение», сообщая о ее границах, писал что «Княжество сие разделяется на 5 уездов, а именно: 1) Кьутсе, 2) Баршли, 3) Каракайдек, 4) Мурр-его, 5) Ирчамул (Дагестан в известиях..., 1992. С. 276).

Я. Рейнеггс не совсем разобрался в «уездах» Кайтага. В его составе и до него и после него перечисляются больше частей – обществ. Так, согласно сведениям турецкого путешественника и географа Э. Челеби, эта «Страна разделена на семь округов» (Челеби Э., 1983. С. 117). И.-Г. Гербер, а за ним Я. Лерх делили Кайтагское уцмийство на Хайдак и Карахайдак (Гербер И.-Г., 1958. С. 83, 94; Лерх Я., 1791. С. 77).

В 1796 г. Д.И. Тихонов перечислял в составе Кайтагского уцмийства 13 частей (*Тихонов Д.И.*, 1958. С. 131–133). На ошибочность этих сведений мы указывали в специальной статье, посвященной сведениям Д.И. Тизонова о даргинцах (*Алиев Б.Г.*, С.). Уже позже в XIX в. имеются иные данные по количеству частей Кайтага. В «Обозрении Российских владений за Кавказом» сказано, что Кайтагское уцмийство состояло из магалов (Обозрение Российских владений..., 1836. С. 191–193). Еще позднее Е.И. Козубский давал в составе уцмийства 8 частей. Это Муира (Муйре, состоящее из трех частей: соответственно Муире, Хапши (Гапш) и Ганк); Шибих Хайдак (Верхний Хайдак, Кайтах состоящий из: Шурганта (Шуркант), Каттагни (Каттаган) и Уртчимула (Ирчамул); УбяхI Хайдах (Нижний Кайтак или Кара-Кайтаг, т.е. черный Кайтаг); Хуцари (Уцари); Мажались (Маджалис-катта) и Таркамт (Терекеме) (*Козубский Е.И.*, 1895. С. 53–54).

И на самом деле, кроме Каракайтага и Ирчамула, в состав Кайтагского уцмийства входили как кайтагские общества Шуркант и Каттаган, так и даргинские общества Муйра, Гапш и Ганк (часть нынешнего Дахадаевского района).

Дав общее количество «уездов», далее Я. Рейнеггс описывает каждый из них в том порядке, как он их перечисляет в своей работе. Прежде всего это Кьутсе, о котором он писал: «занимает всю степь, которая от правого берега реки Инче до реки Теребаха простирается». В составе этого «уезда» Я. Рейнеггс дает 12 селений, «обитаемых татарами, называемыми терекеме». Конечно же, речь в тексте идет о Терекеме, непонятно почему-то названном «уездом Кьутсе». Неясно, что означает это название. Но ясно, что это самая нижняя часть уцмийства, где основным занятием населения было земледелие и жители его, как писал автор, «собирают с плодоносных своих полей пшеницу, пшено, просо и хлопчатую бумагу. Они также стараются разводить шелк к немалому себе прибытку (прибыли. – Авт.), и стада им приносят заметную (большую. – Авт.) пользу» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 276). Нельзя не согласиться с нашим автором, так красочно описывавшем Терекеме, его земли и занятия жителей.

Красочно описал Я. Рейнеггс и земли, лежащие от Терекеме к предгорью и, в какой-то мере, предгорную часть. «От реки Инче, – писал он, даже до реки Малого Буама лежащая страна весьма лесиста, которая потом выходит на луга пространная, плодоносная и зрению весьма приятная. А чтобы плодоносная сия земля не имела недостатку в воде, то природа оросила ее еще одною немалою рекою, Большой Бам называемою, которая, разливаясь в безчисленные ручьи, утучняет сухость земли, беспрестанными морскими ветрами причиняемую.

Чем ближе вышеупомянутая степь Кьутсе подходит к горам (речь здесь идет о предгорном Кайтаге. – Авт.), и вся приятная сия страна ничто иное как лес один, естли бы и многочисленные жители расти ему не препятствовали и не обрабатывали бы землю с большею себе пользою» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 276–277).

После описания Терекеме (Кьутсе) Я. Рейнеггс говорит об «уезде Баршли». Прежде всего он писал о населении всего «уезда», вместе с Баршли насчитывавшем 2000 семей, которые «по большей части промышляют торговлею», дома у них не каменные. К этому «уезду» Я. Рейнеггс относил деревню Ахмедкент как «всегдашнее жилище утцума». Конечно же, Я. Рейнеггс здесь неправ. Ахмедкент, находящийся на горе выше Маджалиса, был летней резиденцией уцмий и никогда не входил в так называемый «уезд Баршли». Башли являлось столицей Кайтагского уцмийства, на что указывают многочисленные свидетельства.

Я. Рейнеггс затем как бы мимоходом описывает Хамур-Дарго, но почему-то он не дал его в качестве уезда. «Лежащая далее к северу деревня Киагакент (Каякент. – Авт.), – писал он, – и оставшиеся стены старинной крепости Гумри (речь здесь, конечно, идет о разрушенном арабами большом городе Гамри. – Авт.) хранят в себе гроб и кости невинного Гмелина, который от варварской злости утцума зделался жертвою Кавказа» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 277).

Весьма кратки сведения Я. Рейнеггса об «уезде Мурр-его», в составе которого дается и «величайшая деревня» «Иенги-Кент» (Янгикент. – Авт.). Наш автор и здесь допускает неточность. Не было никакого уезда «Мурр-его», в составе которого были другие села. Мюрего – это село, включаемое в отдельных случаях в состав Хамур-Дарго. О каких селах этого «уезда» речь ведет Я. Рейнеггс, неизвестно. Интересно, что в составе их и самого Мюрего им даны 1500 дворов. Думается, что речь здесь идет о всем Хамур-Дарго, центром которого являлся Утамыш, о чем говорят имеющиеся источники, а не с. Мюрего, как он ошибочно считал.

Следующий «уезд» Кайтага, который описал Я. Рейнеггс, – это Каркайдек», который, как писал он, вместе с лежащим к западу от него «Кайдаком» и «с принадлежащим и к ним деревнями» имел до 3000 семей, «в коих живут по большей части пастухи и разбойники или такие люди, которые служат постороннему какому князю из одного лишь хлеба» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 277).

Можно согласиться, что в Каракайтаге и Кайтаге под чем, видимо, имеются ввиду и другие кайтагские общества, находилось 3000 семей, и что жители их занимались скотоводством («по большей части пастухи»). Но чтобы утверждать, что, кроме этого они занимались разбоем, и что это было якобы одним из основных занятий кайтагов, нет никаких оснований. Конечно, отдельные группы людей, как и повсюду в феодальную эпоху, и в Кайтаге занимались разбоем, но говорить об этом, как об одном из их главных занятий неверно.

Последний «округ» Кайтага, на котором останавливался Я. Рейнеггс – это Ирчамул (Ирчамуль) или Урчемул, при описании которого наш автор осветил и то, что имело место, в то же время высказывая и неверные суждения. Описывая территорию «округа», Я. Рейнеггс писал, что он «граничил с Табасараном и почитается знатнейшим, пребогатым, плодоноснейшим уездом утцумова княжества. Жителей в нем считается 5000 семей, которые, повинувшись произвольно с великою удобностию, пользуются благословением природы, которая в расселение каждого камня питает виноградную лозу» (Дагестан в известиях..., 1992. С.–277). Со всем этим можно согласиться. В Ирчамул раньше входило много сел, по данным А. Комарова и Е.И. Козубского в Ирчамуле и Каракайтаге было 32 селения из 80 сел Кайтагского уцмийства (Комаров А., 1873. С. 43; Козубский Е.И., 1895. С. 306–336). Поэтому в период Я. Рейнеггса в Ирчамуле вполне могло быть 5000 семей, что примерно составляет 25 тыс. человек, хотя, если учесть общее количество населения уцмийства – 75 тыс. человек, эту цифру можно поставить под сомнение. Но как бы там ни было, Ирчамул был в уцмийстве наиболее густонаселенной частью.

Никак нельзя согласиться со следующим утверждением Я. Рейнеггса: «Месселис или Мечалис (Маджалис. – Авт.) – есть величайшее и всем известное в Ирчамуле место» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 277). Маджалис никогда не входил в состав Ирчамула, и не понятно откуда взял такие известия Я. Рейнеггс. Маджалис являлся столицей Кайтагского уцмийства до перенесения центра уцмийства в Башлы и вместе с окружающими селами составлял одно общество (по терминологии Я. Рейнеггса «уезд») под названием Маджалис-къатта.

Интересно сообщение Я. Рейнеггса о виноделии, которое было развито в Кайтаге, в особенности, в Маджалисе. Он писал, что «Мечелис» – это было величайшее и известное место в Ирчамуле, которое «преимуществует перед другими особливою добротою вина; которое без сомнения было самое лучшее, естли бы жители с оным искуснее умели обходиться». Далее он писал о технологии приготовления вина, отмечая в связи с этим: «Они обыкновенно выжатой виноградной сок до тех пор варят, пока он наподобие сиропа сгустится, которой у них называется бужал, или дадут ему только до половины выкипать, а после того его заквашивают, когда оной получит надлежащую кислоту, то они вино, смешав с розовою или другою какою благоуханною водою, употребляют его вместо лучшего питья» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 277).

И на самом деле в Маджалисе занимались разведением винограда и из этого местного винограда делали крепкое вино, которое называлось мусты.

Интерес представляет и следующее сообщение Я. Рейнеггса. «Мусульманин, так как господин своих садов продает виноград христианским или жидовским (еврейским. – Авт.), он хотя довольно часто упивается сим приятным вином, однако и сие почитается за великое к закону презрение, когда вздумает сам его жать из винограда и сок его заквашивать» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 277–278).

В работе Я. Рейнеггса отдельно от Кайтага, его «уездов» дается Кубачи, о котором он писал: «К юго-весту (к юго-западу. – Авт.) от Кайтага живут 1200 семей, принадлежащих к поколению Кубечи», которое «причисляются к древнейшим кавказским жителям, ибо дербенская история хотя под другим именем, то есть Соркуван (Зирихгеран. – Авт.), однако же об них упоминает. Сие поколение при ненарушимом своем послушании всегда служило защитою утцуму и охраняло его от нападения дикого и с западу граничащаго поколения Акуше» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 278).

Любопытно, что у весьма сильного кайтагского уцмия, по сведениям автора, оказывается защитником от Акуша-Дарго были кубачинцы. Далее и здесь акушинцы даются как дикари, которые, по мнению Я. Рейнеггса, нападали чуть ли не на всех дагестанцев. Выше уже было указано, что акушинцы, по словам Я. Рейнеггса, со своими соседями «часто сражаются», что это «дикое поколение» хотело истребить «поколение Куптенна» (Губдена). Выходит, что верхнедаргинцы постоянно воевали. Что им нечем было заняться, кроме как вести войны против других народов Дагестана? Они не занимались земледелием, скотоводством? Откуда же у них, как на это указывал И.-Г. Гербер, еще в первой трети 30-х гг. XVIII в., было до 100 тыс. овец? (Гербер И.-Г., 1958. С. 84).

Следующий сюжет о кубачинцах связан с их происхождением. Я. Рейнеггс приводит широко распространенную версию о европейском происхождении кубачинцев. Он писал: «Народ Кубечи уверяет, что он начало свое ведет из Европы, однако ж язык его никакого сходства с другими языками не имеет, а прочим народам Кавказа также не известен». Здесь же Я. Рейнеггс пишет о быте кубачинцев, при этом отмечая: «дома их отчасти выстроены по европейскому вкусу и состоят из деревянных переплетов вышиною с 2 этажа, в горницах и внутри дому наблюдают они величайшую чистоту, сверх того и тем еще отличаются от всех кавказских народов, что по европейскому обыкновению имеют стулья, столы и постели, едят ложками и вилками и ведут жизнь весьма благополучно» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 278).

По приведенным словам Я. Рейнеггс, можно только сказать – кубачинцы могут гордиться своими предками, которые, если верить нашему автору, задолго до других народов Дагестана жили цивилизованно, культурно.

Очень интересна оценка занятий населения кубачинцев, имеющаяся в работе Я. Рейнеггса. Он писал: «Большая часть жителей занимается торговлею, а прочие делают ружья, сабли, пистолеты и ножи и мастерством своим всем известны, золотая и серебряная их работа подобна карлсгатской и агсбургской, а как столь искусных мастеров нет ни в Персии, ни в Анатолии, то работа их везде в славе, в великом употреблении и дорого покупаются» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 278). Отмечал Я. Рейнеггс и занятия женщин Кубачи. О них он писал, что они «делают тонкие шерстяные сукна особого рода, которые мужья их на платья употребляют». Действительно, кубачинки были искусными мастерами по производству тонких тканей, о чем писал еще в первой четверти XVIII в. участник русского посольства из Персии в Россию А.И. Лопухин, отметивший: «Жители в нем (Кубачах. – Авт.) все люди мастеровые и торговые... Ремесло у них такое – делают многа хорошева ружья мелкого, также, сказывают, и пушки льют. Они же имеют у себя немалое довольство шерсти, ис которой сукна делают сами и по их мастерству не худо делают, а шерсть у них изрядна и мягка...» (Лопухин А.И., 1958. С. 30).

Хорошо раскрыл Я. Рейнеггс характер кубачинцев, подчеркнув их миролюбивость и в то же время осторожность и храбрость. «В протчем народ сей, – писал он, – весьма миролюбив, он в заграничных разъездах (по торговым делам. – Авт.) и в разбое никакого участия не имеет, однако же весьма осторожен и храбр в каменистом своем жилище. Храбрость их остановила завоевания шаха Надира, который хотел покорить оной народ за то, что он держал крымского хана сторону» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 278). Последнее, конечно выдумка Я. Рейнеггса. Кубачинцы боролись с Надир-шахом как с завоевателем, который хотел покорить их, как и других народов Дагестана, и крымский хан, которого вроде поддерживали кубачинцы, здесь ни при чем.

Последний сюжет о кубачинцах Я. Рейнеггс посвятил их вероисповеданию. Он писал об этом так: «Целое поколение Кубечи верует в Магомета, в писании коего народ сей, не исключая и самих женщин столь знающ, что обрезать почитают они за одно обыкновение, а сами его не приемлют. При смерти мужей вместо того, чтобы плакать, отправляют пиршество, а юношеству их без всякого зазрения позволяют грехи колена вениаминова, с коих оно в Габае утопало» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 278). Очень трудно дать оценку последним двум утверждениям Я. Рейнеггса. Ни у одного автора, который писал о кубачинцах, нет такого утверждения об отношении кубачинцев к обрезанию и свободных отношениях молодых – юношей и девушек с позволения старших. Поэтому трудно сказать, что здесь верно, а что выдумано, то ли самим Я. Рейнеггсом, то ли его информаторами.

В связи с приведенным Я. Рейнеггсом небезынтересно вспомнить, что писал о кубачинцах в XII в. Абу Хамид ал-Гарнати, который был в Дагестане и оставил после себя весьма любопытные и интересные сведения о кубачинцах. В частности, что они были хорошими мастерами, изготовлявшими всякое воинское снаряжение: кольчуги и панцири, шлемы и мечи, копыя и луки, стрелы и кинжалы, и всевозможные изделия из меди. Что касается утверждение об отсутствии у них религии, он писал, что «они не платят джизью. А когда умирает у них кто-нибудь, то если это был мужчина, то отдают его мужчинам, которые в подземных домах; они отсекают члены мертвого, и освобождают кости от мяса и мозга, и собирают его мясо и кормят им черных воронов, стоя с луками и не давая другим птицам съест хоть что-то из его мяса. А если это была женщина, то отдают ее мужчинам, которые под землей, они вынимают ее кости и кормят ее мясом коршунов, стоя со стрелами и не давая другим [птицам] приближаться к ее мясу» (Путешествие Абу Хамаида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (193–1153 г.), 1971. С. 50).

Не под влиянием ли былых традиций находились кубачинцы и после принятия Ислама, когда они наравне с другими жителями Кайтагского уцмийства являлись истинными мусульманами?

Ряд сведений об Акуша-Дарго и Кайтага Я Рейнеггс дает и при описании Дербентского владения и междоусобной борьбы Фатали-хана и дагестанских владетелей. Так, он писал об участии в междоусобице и Акуша-Дарго, подчеркнув, что Фатали-хан убил аварского хана с помощью акушинцев. Здесь же он отмечал, что, когда Фатали-хан напал на Талиш и Гилян, уцмий Кайтага «завладел Дербентом и разграбил его дочиста, лишая его надежды к получению дальнейшей прибыли и принудил поспешить на помощь к притесненному городу» (Дагестан в известиях..., 1992. С. 276–286). Все это действительно имело место.

Завершая обзор известий о даргинцах, которые имеются у двух немецких по происхождению авторов, докторов медицины И.А. Гильденштедта и Я. Рейнеггса, собиравших материал по народам Дагестана примерно в одно и то же время – в 70-е и 80-е гг. XVIII в., т.е. с разницей немногим более 10 лет, можно прежде всего констатировать, что, хотя многое, о чем они писали, не верно, что можно объяснить сбором материала у информаторов, а не лично, так как они не были непосредственно на всех описываемых территориях даргинцев, тем не менее их сведения представляют большой интерес. Приводимые ими в своих трудах многие факты и события будируют определенные размышления и помогают решению ряда вопросов социально-экономической и политической истории даргинцев. Сравнивая же их сведения друг с другом, можно констатировать, что известия Я. Рейнеггса о даргинцах более значимы, так как они полнее и подробнее охватывают различные вопросы истории даргинцев.

В то же время следует иметь в виду, что при использовании в своих исследованиях работ этих авторов, как и других авторов XVIII в., а также писавших о других периодах, надо быть предельно осторожным, следует подходить к ним критично, при анализе их сведений сравнивать с другими имеющимися источниками и таким путем достичь истины.

ЛИТЕРАТУРА

Алиев Б.Г. Даргинцы по сведениям участника Персидского похода 1796 г. майона Д.И. Тихонова // Вестник Института истории, археологии и этнографии. 2011. № 1(25). С. 12–22.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. СПб.: Тип. Императорской АН, 1869. Ч. 1. 548 с.; Ч. 2. 602 с.

Бутков П.Г. Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1796 г. // История, география и этнографии Дагестана XVIII–XIX вв. М. (Далее – ИГЭД): Изд-во восточной литературы, 1958. С. 209–212.

Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекою Курюю народах и землях и о их состоянии в 1728 году // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Сентябрь № 8.

Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 60–120.

Гильденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия Г-на Академика И.А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб.: Тип. императорской АН, 1809. 385 с.

Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XII–XVIII вв. / Сост., введ., вступит. статья к текстам и примеч. проф. В.Г. Гаджиева. Махачкала, 1992.

Дренякин И.Т. Описание Ширвана. 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 157–172.

Еропкин Д.Ф. Реестр горским владельцам. 1732 г. // ИГЭД. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 121–124.

Козубский Е.И., 1895. Памятная книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура: «Русская тип.» В.М. Сорокина, 1895. 413 с.

Комаров А.В. Народонаселение Дагестанской области (с этнографической картой) // ЗКОИРГО. Тифлис, 1873. Кн. 8. С. 1–49.

Комаров А.В. Списки населенных мест Дагестанской области // ССКГ. Тифлис, 1869. Т. 1. С. 1–23.

Копии документов, извлеченных из РГВИА Гаджиевым В.Г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139.

Лерх И.Я. Выписки из путешествия Иоанна Лерха, продолжавшегося с 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790.

- Лерх И.Я.* Продолжения о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию с 1745 по 1747 года // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1791. Месяц август. Ч. LXII.
- Маркович Я.А.* Дневник генерального подскарбия Якова Марковича (1717–1767). Киев, 1893–1895.
- Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд-во А.С. Суворова, 1906. 578 с.
- Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 г.) / Публикация О.Г. Большакова А.Я. Монгайта. М.: Главная ред. восточной литературы, 1971. 135 с.
- Серебров А.Г.* Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 173–196.
- Симонович Ф.Ф.* Описание Табасарана. 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 197–199.
- Симонович Ф.Ф.* Описание Южного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД, М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 138–156.
- Соймонов Ф.И.* Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваниях, яко часть империи Петра Великого. СПб.: Тип. при Импер. АН, 1763. 380 с.
- Стрейс Я.* Три путешествия. М., 1935. 415 с.
- Тихонов Д.И.* Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 125–137.
- Челеби Э.* Книга путешествия. Извлечение из сочинения турецкого путешественника XVII века. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья / Перев. и коммент. М. Вып. 2. Земли Закавказья и сопредельных областей Малой Азии и Ирана. Вып. 3. М.: Наука, 1979. 287 с.; 1983. 376 с.
- Reindeggs J.* Allgemeine historisen-topographisene Besteidung des Kaukasus. Gota: St. Pdg., 1796.
- Güldenstädt I.A.* Reuse dureh Russland und in Caucasisellen Gedürge. St. Pdg. , 1787–1791. Bd. 1–2. 535 s.; 552 s.